Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2024 Т. 28. № 3. 634–650
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650
EDN: JGHMES

Научная статья / Research Article

Демистификация имущественных прав в контексте цифровой трансформации экономики

А.В. Ефимов✉

Российский государственный университет правосудия, *г. Москва, Российская Федерация*
✉av_efimov@inbox.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена как классической цивилистической проблемой правовой природы имущественных прав, так и развитием цифровых технологий, в результате чего появляются имущественные права в цифровой форме (цифровые права). В этой связи обнаруживается необходимость определения правового режима таких цифровых прав, как утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, в общем контексте имущественных прав. Нерешенной является проблема правового режима цифровой валюты, поскольку отнесение ее к имущественным правам представляется затруднительным. Кроме того, в целях квалификации имущественного права объектом гражданских прав необходимо акцентировать внимание на наличие абсолютного права, которое будет характеризовать противопоставленность и принадлежность данного объекта определенному субъекту. Цель – выработка научно-теоретических положений о квалификации имущественного права как объекта гражданских прав в условиях цифровизации экономики. Достижение цели осуществляется посредством системного метода, группы формально-логических методов (дедукция, индукция, аналогия и т.д.), а также специальных юридических методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). В результате выработан двухуровневый подход к исследованию имущественных прав. На первом уровне предполагается рассмотрение содержания самого имущественного права в контексте относительного правоотношения, а на втором уровне – рассмотрение определенного абсолютного права на такое имущественное право. Применение данного подхода показывает, что безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль) и цифровая валюта не относятся к имущественным правам, они являются самостоятельными объектами гражданских прав. Кроме того, обосновано, что абсолютные и относительные права в отношении имущественных прав могут выражаться в виде токенов.

Ключевые слова: имущественное право, объект, цифровое право, утилитарное цифровое право, цифровой финансовый актив, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, токен, NFT

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию: 16 апреля 2024 г.
Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Ефимов А.В., 2024
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования:

Ефимов А.В. Демистификация имущественных прав в контексте цифровой трансформации экономики // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 634–650. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650

Demystification of property rights in the context of the digital transformation of the economy

Anatoly V. Efimov

Russian State University of Justice, *Moscow, Russian Federation*
av_efimov@inbox.ru

Abstract. The research relevance lies in the intersection of the classical civil problem of the legal nature of property rights and the evolving landscape of digital technologies, which has given rise to property rights taking on a digital form (digital rights). This has led to the need to establish the legal framework for such digital rights, including utilitarian digital rights and digital financial assets, within the broader context of property rights. The issue of the legal framework for digital currency remains unresolved since it poses challenges in classification within the realm of property rights. Furthemore, in order to qualify property law as falling under civil rights, the focus must be on the presence of an absolute right that defines the opposition and ownership of this property by a certain entity. The objective is to develop scientific and theoretical principles for qualifying property rights as objects of civil rights within the context of economic digitalization. This objective is pursued through the application of a systematic approach and a group of formal logical methods (deduction, induction, analogy, etc.), as well as special legal methods (formal legal, comparative legal, legal modeling method). The research has resulted in a two-tiered approach to the study of property rights. The first level involves examining the content of the property right within the context of relative legal relationships, while the second level involves considering a specific absolute right to such property rights. The research concludes that non-cash money (including the digital ruble) and digital currency do not fall under the realm of property rights; they are independent objects of civil rights. Additionally, it asserts that absolute and relative rights pertaining to property rights can be manifested in the form of tokens.

Key words: property right, object, digital right, utilitarian digital right, digital financial asset, digital currency, cryptocurrency, digital ruble, token, NFT

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Acknowledgements. The work was performed using the Consultant Plus Legal Reference System.

Received: 16th April 2024
Accepted: 15th July 2024

For citation:

Efimov, A.V. (2024) Demystification of property rights in the context of the digital transformation of the economy. *RUDN Journal of Law.* 28 (3), 634–650. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650

Введение

Преобразование экономического оборота тесно связано с внедрением цифровых технологий. В.С. Белых и М.А. Егорова справедливо подчеркивают, что в контексте цифровой трансформации экономики особо интенсивно развивается учение об объектах гражданских прав (Belykh & Egorova, 2020:29). В частности, рост рынка

утилитарных цифровых прав, цифровых финансовых активов, использование их в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам[1], ажиотаж вокруг невзаимозаменяемых токенов (Non-Fungible Token) (далее – NFT), оборот цифровой валюты, в том числе введение цифрового рубля, актуализируют проблематику системы объектов гражданских прав с акцентом на имущественные права.

Пристальное внимание к объектам гражданских прав в связи с цифровой трансформацией обусловлено прежде всего появлением имущественных прав, которые учитываются и обращаются только в контексте цифрового пространства (цифровых платформ). Характерно, что согласно ст. 128 ГК РФ[2] цифровизация объектов гражданских прав непосредственно связана с введением цифрового рубля и цифровых прав, которые относятся к имущественным правам.

Рассмотрение влияния цифровизации на объекты гражданских прав невозможно без обращения к общей теории объектов и, в частности, к теории имущественных прав. При этом понятие имущественных прав остается одним их самых неопределенных в цивилистической теории. С одной стороны, имущественное право описывается как объект (право требования кредитора к должнику и т.д.), с другой стороны, как свойство принадлежности объекта определенному субъекту (например, право собственности) (Rozhkova, 2020:5). Кроме того, существуют убедительные основания сомневаться, что все виды имущественных прав по ст. 128 ГК РФ действительно являются таковыми. Смешение понятий и нерациональное признание тех или иных объектов имущественными правами приводит к отрыву права от реальности и к мистификации понятия имущественных прав. Представляется, что необходимая демистификация имущественных прав позволит выработать четкие представления о том, что является объектом, а что лишь характеризует принадлежность объекта определенному субъекту.

Цель исследования заключается в выработке научно-теоретических положений о квалификации имущественного права как объекта гражданских прав в условиях цифровизации экономики. Данная цель достигается посредством решения следующих задач: 1) определить имущественное право в системе объектов гражданских прав, 2) разграничить объекты гражданских прав и права, которые возникают на такие объекты, 3) выявить природу цифровых прав на примере утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, 4) выявить природу цифровой валюты, 5) обосновать потенциал использования токенов в целях обозначения абсолютных и обязательственных прав, возникающих на имущественные права как на объекты.

Достижение указанных цели и задач предполагает комплексный набор методов. В частности, для оценки места имущественных прав в общем перечне объектов гражданских прав был применен системный метод и формально-логические методы. Также использовались специальные юридические методы. В частности, потенциал формально-юридического, сравнительно-правового методов, метода правового моделирования позволили исследовать различные объекты, относящиеся в силу закона к имущественным правам, а также описать двухуровневую модель исследования имущественных прав, предполагающую выявление относительного правоотношения, в контексте которого возникает имущественное право, и абсолютного права, которое должно возникать на имущественное право как на объект.

---

[1] Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. ст. 1569.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

Имущественные права в системе объектов гражданских прав

В силу прямого указания закона к имущественным правам относятся безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Вместе с тем открытый перечень имущественных прав позволяет относить к ним иные субъективные права (обязательственные, корпоративные, исключительные права). Основная идея выделения имущественных прав в системе объектов заключается в том, что имущественное право отражает связь одного участника оборота с другим и олицетворяет в себе какое-то конкретное субъективное право или их совокупность, которые имеют ценность и могут отчуждаться.

Исследуя ст. 128 ГК РФ, В.А. Белов пишет, что имущественные права относятся к объектам (Belov, 2016:291). В то же время В.А. Белов отмечает, что частные субъективные права стоит рассматривать не как объект других субъективных прав, а как элементы, из которых складывается гражданская правоспособность (Belov, 2016:291). Представляется, что проблемы с признанием субъективного права объектом возникают тогда, когда такое право рассматривается без учета возникающего в отношении него некого абсолютного права. Отсюда следует опасность смешения субъективного права как объекта и как части правоспособности, на что фактически указывает цитируемый автор.

Впрочем, если субъективное право рассматривать как объект, в отношении которого возникает иное право как часть правоспособности, ситуация становится не такой проблемной. В теории права данная конструкция получила название «право на право». Р.С. Бевзенко указывает, что такие права могут иметь ценность, участвовать в обороте и дают их обладателям определенные правовые возможности (Bevzenko, 2010:36-37). Однако в итоге цитируемый автор делает вывод о нецелесообразности их выделения как объектов (Bevzenko, 2010:40).

Несмотря на сомнения относительно смыслового содержания конструкции «право на право», имущественные права выступают в качестве объекта в экономическом обороте (уступаются права требования, продаются акции и т.д.). В то же время риск смешения имущественного права как объекта с неким правом на такой объект требует более четкого разграничения понятий. В этой связи проблема заключается не в том, что субъекту принадлежит, например, право требования, а в том, какое право возникает у субъекта в отношении этого права требования. Стоит согласиться с позицией А.О. Рыбалова, согласно которой «объектом может быть лишь то, что может выступать объектом абсолютного права»[3]. Представляется, что именно такое абсолютное право, характеризующее принадлежность определенного объекта определенному субъекту, способно придать имущественному праву характер объекта, который по своей природе противопоставлен субъекту (Lektorsky, 2010:136). В таком случае субъективное (имущественное) право теоретически может выступать объектом гражданских прав, только если вместе с таким имущественным правом рассматривать и абсолютное право в отношении него. Для условного обозначения такого абсолютного права можно использовать понятие «уникальное право».

Данное теоретическое построение представляется возможным, поскольку спектр действий лица, которому принадлежит имущественное право, не ограничивается лишь его обязательственным отношением с обязанным лицом. Ведь обязательственное отношение связано лишь с получением исполнения по требованию, но в

[3] Рыбалов А.О. К вопросу об объектах гражданских прав. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/03/14/k_voprosu_ob_obektah_grazhdanskih_prav#_ftn2 (дата обращения: 23.03.2024).

целом имущественное право как объект может быть уступлено, заложено, завещано и т.д., что выходит за рамки обязательственной связи должника и кредитора. Это значит, что у кредитора есть какое-то другое (абсолютное) право в отношении такого объекта, которое не выводится из обязательственных отношений с должником. В целом стоит сказать, что уточнение этого права на объект позволяет понять спектр действий с данным объектом.

Объекты гражданских прав и права на них

При отграничении объектов от прав, которые могут возникать на объекты, последние определяют отношение субъектов к объектам, характеризуют принадлежность объектов субъектам. Например, на вещь у субъекта возникают вещные права (например, право собственности), на результат интеллектуальной деятельности – интеллектуальные права (например, исключительное право). Воссоздавая общую модель связи объектов с правами на них по ст. 128 ГК РФ, можно задаться вопросом о том, какие права возникают в отношении имущественного права как объекта?

Представляется, что такое право на объект само не должно являться объектом. Так, очевидно, что право собственности не является объектом, объектом является именно вещь, а право собственности лишь характеризует отношение определенного лица к этой вещи. В то же время данная логика почему-то меняется при рассмотрении иных объектов и прав на них. Например, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (далее – РИД, СИ) являются самостоятельными объектами, в отношении которых возникает исключительное право. Исключительное право, как и право собственности, характеризует отношение определенных субъектов к таким объектам. Однако исключительное право по странной причине подпадает под понятие имущественного права как отдельного объекта и происходит смешение понятий: исключительное право воспринимается и как характеристика принадлежности РИД, СИ, и как самостоятельный объект. Представляется, что именно объектом должны выступать РИД, СИ, а исключительное право как абсолютное должно лишь характеризовать принадлежность данного объекта определенным субъектам.

Развивая логику, согласно которой абсолютное право на объект находится вне системы объектов гражданских прав, необходимо выявить те объекты, на которые возникают абсолютные права. Но если в случае с вещами и РИД, СИ ответ не представляется столь проблемным, то с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами возникают сложности.

Стоит привести позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой безналичные денежные средства представляют собой обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт счет[4]. При этом, учитывая, что сами безналичные денежные средства характеризуются как имущественные права, в отношении них проблематично распространение абсолютных (в т.ч. вещных) прав. Но насколько обоснованно говорить о том, что безналичные денежные средства являются объектами, если в отношении них не рассматривать абсолютное право?

С одной стороны, можно предположить, что «обязательственное требование на определенную сумму» указывает на наличие некой суммы как объекта, а сами безналичные денежные средства заключаются в обязательственном требовании. Но сразу

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // СЗ РФ. 2014. № 51. ст. 7528.

же возникает вопрос, о какой сумме идет речь, ведь «определенная сумма», в отношении которой и возникает обязательственное требование клиента, это и есть безналичные денежные средства?

С другой стороны, если есть «определенная сумма», которая, как следует полагать, и является деньгами, то какое право возникает у субъекта в отношении этого объекта? Само по себе отрицание наличия абсолютного (вещного) права на безналичные денежные средства не проливает свет на то, какие права все же возникают в отношении безналичных денежных средств. Попытку разграничения денежных средств как объектов от имущественных прав на них предпринимает Л.Г. Ефимова. Она пишет, что безналичные деньги необходимо рассматривать как в контексте договора банковского счета, где они являются обязательственными правами, так и в контексте абсолютных правоотношений, где они выступают нематериальным имуществом (Efimova, 2022:9). Вместе с тем если денежные средства являются именно суммой на счете, то общий спектр действий субъекта не ограничивается лишь тем, что он может сделать с этой суммой по договору банковского счета. Права на эту сумму в обязательственных отношениях с банком являются лишь частным случаем в общем спектре возможных действий с такой денежной суммой. В таком случае странно называть денежными средствами некое право требования клиента к банку, если на самом деле это право не охватывает всего спектра возможных действий субъекта, которому они принадлежат, и в целом предполагается, что под безналичными денежными средствами понимается даже не право требования, а именно «определенная сумма».

Более того, критический подход к пониманию денежных средств нивелирует необходимость устанавливать именно обязательство, в контексте которого существует некое право требования. Л.Г. Ефимова справедливо пишет, что если изначально банкноты и предполагали право на их обмен на определенное количество драгоценного металла, то в процессе демонетизации золота данная опция была фактически утрачена (Efimova, 2022:13). С.Л. Будылин также высказывается, что в связи с отказом от золотого стандарта деньги превратились в самостоятельное платежное средство без привязки к праву требования чего-то от эмитента (Budylin, 2023:125–126). В этой связи С.Л. Будылин делает вывод, что деньги центрального банка представляют собой идеальные (воображаемые) объекты, которые ценны сами по себе без привязки к праву на размер на драгоценный металл (Budylin, 2023:140). Воображаемый объект вовсе не создает проблем для его юридической квалификации. Опять же можно вспомнить РИД, СИ, которые сами по себе не существуют в физическом виде, но являются объектами, в отношении которых существует абсолютное (исключительное) право. Поэтому и деньги также могут выступать такими воображаемыми объектами, причем независимо от их внешнего выражения. Как отмечал И.В. Архипов, между наличными и безналичными деньгами нет существенной разницы, поскольку по существу и те, и другие являются самостоятельными видами объектов гражданских прав (Arkhipov, 2014:60). При этом все же стоит допустить, что вещественная форма денег добавляет специфику в их правовой режим (например, на них распространяются нормы о виндикации, находке), однако эти нормы обусловлены не самими свойствами денег, а другим фактором – формой выражения денег.

В связи с квалификацией денег как отдельного объекта гражданских прав возникает вопрос о том, какое абсолютное право может характеризовать их принадлежность определенному субъекту? Конечно, деньги не являются вещами в том смысле, что их нельзя ощутить физически (в случае монет и купюр ощущается лишь

вещественная форма денег). В этой связи теоретически проблематично сказать, что в отношении денег возникают вещные права. Однако даже если закон по различным причинам прямо не называет такое право, его необходимо выявить, «достроив» модель правового регулирования таким правом, которое в целом похоже на право собственности или исключительное право, но характеризует спектр возможных действий субъекта уже по отношению к такому объекту, как деньги.

В целом данная логика характерна и для ценных бумаг. Отнесение бездокументарных ценных бумаг к числу имущественных прав связано, как стоит полагать, с тем, что в них включено определенное обязательственное или иное право. В этом смысле ценные бумаги по своему содержанию и независимо от формы могут быть признаны имущественными правами. Однако стоит учитывать, что «ценность» ценной бумаги на рынке определяется не только наличием определенного права в отношении обязанного лица, но и ее редкостью относительно спроса, ее «ценность» формируется под влиянием спроса и предложения даже если сам набор обязательственных прав не меняется. В этом смысле «ценность» бумаги определяется не только наличием обязанного лица по ней. При этом само право, которое следует из ценной бумаги, не тождественно самой ценной бумаге, на которую, собственно, возникает некое абсолютное право.

Такая же логика рассуждения может быть применена и в отношении так называемых криптотокенов. Как пишет С.Л. Будылин, криптоактивы также являются идеальными (воображаемыми) объектами, которые имеют собственную ценность в силу спроса на них и в силу определенного обязательственного требования к эмитенту (Budylin, 2023:147). В таком контексте криптомонеты, подобно деньгам, не будут относиться к имущественным правам в принципе, а криптотокены стоит воспринимать не просто как права требования, а как самостоятельные объекты, в отношении которых могут быть абсолютные права.

Говоря про имущественные права, представляется необходимым проводить их двухуровневое исследование: на первом уровне исследованию подлежит само содержание имущественного права с обозначением обязанного и управомоченного субъектов, характера относительного права, сроков и иных условий осуществления права и т.д., а на втором уровне исследованию подлежит некое абсолютное («уникальное») право на имущественное право.

Цифровые права

Подход к пониманию правового режима безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг может быть применен и к цифровым правам (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Несмотря на достаточно большое количество возможных вариантов имущественных прав, которые теоретически могут существовать в виде цифровых прав, к числу легальных разновидностей цифровых прав отнесены утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Данное законодательное положение сформулировано на базе идеи, что цифровое право, будучи разновидностью имущественных прав, относится к объекту гражданских прав. В качестве цифрового права рассматривается то или иное имущественное право, выпуск, учет, оборот которого осуществляется в рамках конкретных цифровых (информационных, инвестиционных) платформ.

Однако, по справедливому замечанию Е.А. Суханова (Sukhanov, 2021:26), Р.М. Янковского (Yankovsky, 2020:65), собственно цифровыми являются не сами

субъективные права, а лишь форма их фиксации и способы осуществления. В этом смысле цифровое право фактически является лишь формой различных имущественных прав, которые сами по себе выступают объектами.

Представляется, что выделение цифровых прав как разновидности имущественных прав в ст. 128 ГК РФ является излишним. Несмотря на цифровую форму и особенности учета и оборота цифровых прав, они сами по себе являются определенными имущественными правами, а не какой-то отдельной их разновидностью. При этом для имущественных прав, которые существуют в форме цифровых прав, характерна такая же проблема неопределенности абсолютного права, которое может возникать у субъектов в отношении такого объекта.

Утилитарные цифровые права

В ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ[5] получили закрепление такие виды утилитарных цифровых прав, как: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Функционирование инвестиционных платформ позволяет осуществлять краудфандинг в целях финансирования коммерческих и некоммерческих проектов. В целом выстраивается такая модель отношений, при которой инвесторы принимают решение о финансировании определенного проекта, и через инвестиционную платформу они вносят свое имущество (в частности, деньги). Взамен инвесторы приобретают определенные имущественные права (например, права требования передачи определенных вещей) к лицу, которое привлекает инвестиции. Несмотря на то, что утилитарные цифровые права являются цифровой формой определенных имущественных прав, их квалификация как объектов возможна лишь постольку, поскольку у обладателей в отношении таких объектов возникает некое характеризующее их принадлежность абсолютное право.

Цифровые финансовые активы

В п. 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте[6] закреплены следующие виды цифровых финансовых активов: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Представленный перечень прав также свидетельствует о том, что речь идет об имущественных правах, которые лишь по форме квалифицируются как цифровые. Подобно утилитарным цифровым правам выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов осуществляется в рамках цифровой платформы посредством

[5] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. ст. 4418.

[6] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.

совершения записей такими способами, которые установлены правилами конкретной цифровой платформы (информационной системы).

По своему правовому режиму цифровые финансовые активы похожи на утилитарные цифровые права. Пожалуй, главное отличие данных цифровых прав заключается лишь в том, что они содержат в себе разные права, что предопределяет их разные характеристики как объектов на первом уровне исследования. Общей проблемой как для утилитарных цифровых прав, так и для цифровых финансовых активов является выявление абсолютного права в отношении них. Кроме того, цифровые права по содержащихся в них имущественных правах могут быть весьма похожи на ценные бумаги. Например, в виде цифрового финансового актива могут быть акции (ст. 13 Закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте).

Е.А. Суханов весьма однозначно пишет, что цифровые финансовые активы хотя и имеют технологические особенности учета и оборота в рамках цифровой платформы, вместе с тем по своему правовому режиму они являются бездокументарными ценными бумагами (Sukhanov, 2021:23). Однако действительно ли любое цифровое право будет являться ценной бумагой?

С одной стороны, можно сказать, что сама по себе цифровая форма полностью предопределяет правовой режим конкретного имущественного права. В таком случае цифровая форма будет предполагать только правовое регулирование действий по учету и обороту цифровых прав как таковых, исключая ценно-бумажное правовое регулирование. Так, подчеркивая значение цифровой формы имущественных прав, А.И. Савельев отмечает тенденцию поглощения правового режима самого имущественного права правовым режимом токена (Saveliev, 2018:41). Несмотря на учет специфики формы, такой подход не учитывает само содержание имущественного права.

С другой стороны, для квалификации имущественного права как ценной бумаги необходимо оценивать именно его содержание. Дело в том, что цифровой финансовый актив или утилитарное цифровое право могут выражать разные права. Поскольку не любое имущественное право является ценной бумагой, постольку и не любое имущественное право в цифровой форме будет являться ценной бумагой. Для квалификации определенного имущественного права как ценной бумаги в мировой практике чаще всего используется тест Хоуи (доктрина, сформировавшаяся по мотивам дела SEC v. W.J. Howey Co[7]). По данному тесту некое имущественное право (в т.ч. в цифровой форме) может быть квалифицировано как ценная бумага при наличии четырех признаков: 1) было осуществлено вложение денег (или иного имущества), то есть инвестирование, 2) инвестирование осуществлено в общее предприятие, 3) от такого общего предприятия инвестор ожидает получения прибыли и 4) получение прибыли происходит исключительно благодаря усилиям организатора или другой третьей стороны, то есть сам инвестор не участвует в процессе управления предприятием (Girasa & Scalabrini, 2022:18–19; Henderson & Raskin, 2019:459–460). Впрочем, такой подход к квалификации ценных бумаг может восприниматься критически, поскольку российское право в большей степени ориентируется на формальные признаки ценных бумаг (ст. 142 ГК РФ). Представляется, что признание имущественного права в цифровой форме ценной бумагой (например, при положительном тесте Хоуи) должно влечь распространение прежде всего ценно-бумажного правового регулирования, в то время как правовое регулирование, направленное на учет и оборот цифровых прав как таковых, должно применяться субсидиарно.

[7] SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).

Цифровая валюта

Определение правового режима цифровой валюты осложняется тем, что данное понятие не упоминается в ст. 128 ГК РФ. При этом если цифровые права в ряде случаев приобретают признаки ценных бумаг, то цифровая валюта имеет схожие признаки с деньгами. Л.Г. Ефимова пишет, что цифровая валюта является общим понятием, в т.ч. и для понятия криптовалюты (Efimova, 2022:11). Похожее рассуждение встречается в работе С.Л. Шварца, который указывает на три подхода к цифровой валюте с разным уровнем поддержки со стороны государства и частного сектора: общие криптовалюты, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков (CBDC) (Schwarcz, 2024). Таким образом, цифровая валюта является собирательным понятием, охватывая как собственно деньги, так и такие объекты, которые деньгами не являются (криптовалюта).

Криптовалюта

В докладе Банка России о криптовалютах отмечается, что к ним относятся необеспеченные криптовалюты (биткоины и альткоины) и обеспеченные криптовалюты, которые имеют привязку к определенному активу (стейблкойны)[8]. Данный подход к классификации криптовалюты также проявляется и в Регламенте ЕС о рынках криптоактивов (MiCA)[9]. В ст. 3 Регламента определяется, что «криптоактив» (crypto-asset) означает цифровое представление стоимости или права, которое можно передавать и хранить в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра или аналогичной технологии. При этом Регламент устанавливает правовой режим в отношении трех видов криптоактивов: 1) токен, привязанный к активу (asset-referenced token); 2) токен электронных денег (electronic money token); 3) третий тип состоит из криптоактивов, отличных от токенов, привязанных к активам, и токенов электронных денег (например, служебные токены (utility token)).

Регламент фактически называет два вида стейблкоинов (токены, привязанные к активу, и токены электронных денег), отграничивая их от необеспеченной криптовалюты, а также служебные токены, которые в контексте российского понимания можно отнести к цифровым правам, похожим на утилитарные цифровые права.

Впрочем, российское право оперирует легальным определением цифровой валюты, которое раскрывается в Законе о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. В целом под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, которые могут выступать 1) в качестве средства платежа, или 2) в качестве инвестиций (ст. 1). Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте не подразделяет цифровую валюту на общие криптовалюты, стейблкоины и цифровую валюту центрального банка. Логично допустить, что в России легализован оборот любой криптовалюты, если он осуществляется в соответствии с упомянутым законом.

---

[8] Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М.: Центральный Банк Российской Федерации, 2022. С. 6.

[9] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) № 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance). Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 09.03.2024).

Основы правового режима цифровой валюты закреплены в ст. 14 цитируемого закона. Интересно отметить, что в п. 5 ст. 14 данного закона российские резиденты не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Данный пункт коллидирует с общим определением цифровой валюты как средством платежа. Представляется, что данный запрет касается лишь ситуаций, когда российские резиденты получают цифровую валюту, что не исключает возможность для российских резидентов рассчитываться цифровой валютой. Так, А.А. Ситник подчеркивает, что российские резиденты могут использовать цифровую валюту в качестве средства платежа в отношениях с нерезидентами, а также совершать сделки, связанные с куплей-продажей цифровой валюты, получением и выдачей займов, внесением в уставный капитал и т.д. (Sitnik, 2020:110).

Использование цифровой валюты как средства платежа предполагает вопрос о ее сходстве с деньгами. В работе от 2021 года Е.А. Суханов отмечал, что ее выпуск и обращение являются противоправными (Sukhanov, 2021:24). Однако легализация цифровой валюты исключает противоправность ее использования. Более того, цифровой рубль как разновидность цифровой валюты прямо относится к деньгам.

Оценивая правовой режим цифровой валюты, Л.Ю. Василевская пишет, что «законодатель относит ее к определенной разновидности имущества — имущественному праву требования» (Vasilevskaya, 2023:14). Однако если считать цифровую валюту имущественным правом, то возникает вопрос о том, какое право удостоверяет цифровая валюта? Представляется возможным согласиться с Р.М. Янковским, что цифровая валюта является объектом сама по себе без необходимости выявлять какое-то предполагаемое относительное субъективное право (Yankovsky, 2020:50). Данный подход позволяет представить цифровую валюту не как имущественное право, а как обособленный (виртуальный) объект, на который в свою очередь возникает абсолютное право особого рода (sui generis) (Yankovsky, 2020:50).

А.В. Саженов также предпринимает попытку описать криптовалюты как обособленные объекты, применяя к ним общий правовой режим вещей и вещных прав в отношении них (Sazhenov, 2018:111).

Говоря о месте криптовалют в системе объектов гражданских прав, А.И. Савельев хотя и не называет их вещами, но склоняется к тому, что криптовалюта является иным имуществом (Saveliev, 2017:151). Аналогичную мысль высказывает С.Л. Будылин, который на примере биткоина допускает возможность называть держателя криптоактива собственником[10]. Представляется, что такой подход позволяет говорить о возможности возникновения в отношении криптовалюты абсолютного права, схожего с правом собственности. Однако криптовалюту стоит признавать разновидностью имущества, которое наряду с деньгами как таковыми имеет схожий правовой режим с вещами (или можно сказать, что даже является вещью с некоторыми допущениями). В таком случае предполагается обозначение абсолютного права, которое может характеризовать принадлежность криптовалюты определенному субъекту.

[10] Будылин С.Л. «Объекты гражданских прав» vs «имущество»: правоведческая проблема или игра в слова? Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/3/20/obekty_grazhdanskih_prav_vs_imuschestvo_pravovedcheskaya_problema_ili_igra_v_slova (дата обращения: 10.04.2024).

Цифровой рубль

Отдельного рассмотрения требует легализация цифрового рубля[11]. В отличие от криптовалют цифровой рубль является цифровой валютой центрального банка, фиатной валютой, то есть валютой Российской Федерации. Как поясняет Банк России, «цифровой рубль – это национальное денежное средство, форма национальной валюты»[12]. Н.Ю. Рассказова также пишет, что цифровой рубль является формой обычного рубля, который эмитируется Центральным банком РФ (Rasskazova, 2023:132). Квалификация рубля в качестве цифрового осуществляется в связи с тем, что расчеты цифровыми рублями осуществляются путем их перевода Банком России в рамках платформы цифрового рубля в соответствии с законодательством о национальной платежной системе (п. 4 ст. 861 ГК РФ[13]). Операции с цифровыми рублями осуществляются через счет цифрового рубля. Однако цифровой рубль отличается от «обычных» безналичных денежных средств по некоторым функциям. Цифровой рубль создан как средство для проведения платежей и переводов, а не как средство сбережения или кредитования. В этой связи закреплен запрет, например, на привлечение цифровых рублей во вклады (депозиты) (ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности[14]).

Согласно ст. 128 ГК РФ цифровой рубль относится к безналичным денежным средствам. Учитывая легальное отнесение безналичных денежных средств к имущественным правам, Л.Ю. Василевская пишет о цифровом рубле как о разновидности имущественных прав, которые имеют лишь особенности цифровой фиксации (Vasilevskaya, 2023:13). Однако изложенные выше умозаключения о природе денег как обособленного идеального (виртуального) объекта гражданских прав позволяет сказать, что и в случае с цифровым рублем речь идет именно о деньгах как о виртуальном объекте, в отношении которого предполагается определенное абсолютное право. При этом специфика цифровой фиксации данного права на цифровые рубли также предопределяет и содержание прав в отношении такого объекта, отличая по форме собственно цифровые рубли, например, от наличных денег. Таким образом, цифровая форма рубля добавляет специфику правового режима денег, но не меняет его общую квалификацию как денег.

Обозначение абсолютных и относительных прав в отношении имущественных прав и цифровой валюты посредством токенов

В контексте цифровизации сведения о характере принадлежности объектов определенным субъектам могут быть учтены в рамках цифровых платформ. В этой связи с помощью цифровых технологий можно формализовать абсолютные права,

[11] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Часть III). ст. 5765; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023, № 31 (Часть III). ст. 5766.

[12] Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России: официальный сайт. 2023. URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 21.04.2023).

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410.

[14] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. ст. 492.

позволяя с одной стороны через цифровой профиль субъекта видеть все его абсолютные права в отношении определенных объектов, а с другой стороны, видеть все абсолютные права на определенный объект, которые имеются у разных субъектов. Так, в цифровую платформу можно внести запись о принадлежности земельного участка определенному субъекту X на праве собственности. Также в отношении этого земельного участка можно внести запись о праве аренды, которое принадлежит субъекту Y, о сервитуте, который принадлежит субъекту Z. Данный пример показывает, что в виде цифрового кода может быть как вещное право (право собственности, сервитут), так и обязательственное право (право аренды). Нет разницы, какое именно субъективное право будет учитываться в цифровой платформе; главное, что оно будет показывать принадлежность того или иного объекта определенному субъекту в цифровой платформе.

Цифровая трансформация предполагает учет в цифровых платформах не только самих имущественных прав в рамках относительных отношений, но и абсолютных и относительных прав, которые характеризуют принадлежность определенным субъектам имущественных прав как объектов. В целях отражения различной информации об объектах, в том числе и об их принадлежности субъектам, используется понятие токена (Saveliev, 2018:38), (Fedorov, 2018:32), (Novoselova, 2017:37). Несмотря на то, что понятие токена зачастую используется в качестве синонима цифрового права как объекта, токен как определенная запись может использоваться для характеристики принадлежности объекта тому или иному субъекту, в т.ч. выражая некое абсолютное право субъекта в отношении объекта.

Поскольку токен может характеризовать принадлежность субъекту различных объектов, справедливым является суждение Л.А. Новоселовой, что «к токену может осуществляться привязка как в отношении нематериальных (бездокументарные ценные бумаги, недокументированные права требования, исключительные права и т.д.), так и материальных активов (недвижимость, биржевые товары) (токенизация актива)» (Novoselova, 2017:34). Таким образом, в рамках цифровой платформы может быть сделана запись (токен) о принадлежности субъекту как вещи, так и иных объектов, которые к вещам не относятся. В контексте вышеизложенного можно сказать, что токен может определять и характеризовать права субъекта на физические вещи, РИД, СИ, деньги, ценные бумаги, цифровую валюту и в целом на так называемое «цифровое имущество» (Efimova, 2021:56).

Стремление обозначить абсолютные и относительные права в отношении тех или иных объектов привело к появлению невзаимозаменяемых токенов (NFT). По технической характеристике данные токены также представляют собой запись в цифровой платформе, содержащую ссылку на конкретный объект в реальном или цифровом изменении. Д.С. Емельянов и И.С. Емельянов пишут, что «NFT представляют собой запись в реестре блокчейн с информацией о правах на тот или иной объект» (Yemelyanov & Yemelyanov, 2021:73). Э.Р. Вальдес-Мартинес также указывает, что NFT является уникальной цифровой записью, по которой возможно отследить историю владения именно этим токеном (Valdez-Martinez, 2023:77).

Стоит лишь отметить, что речь, видимо, идет о записи не о владении токеном (иначе возникает логическая ошибка), а о принадлежности субъекту базового актива, то есть определенного объекта. Именно базовый объект предопределяет нетождественность (или невзаимозаменяемость) такой записи по сравнению с другими записями на другие объекты. В этом смысле стоит согласиться с Ю.С. Харитоновой, которая подчеркивает, что «невзаимозаменяемость токенов в первую очередь связана с уникальностью объекта токенизации» (Kharitonova, 2023:63).

Обычно NFT рассматривается только в отношении такого базисного актива, как цифровые объекты. Так, О.А. Полежаев (Polezhaev, 2023:69), П.И. Петкилев (Petkilev, 2022:19), Д.С. Емельянов и И.С. Емельянов (Yemelyanov & Yemelyanov, 2021:75) пишут, что NFT выполняют функцию фиксации информации о закреплении цифрового объекта за конкретным лицом в сети блокчейн. При этом Э.Р. Вальдес-Мартинес справедливо отмечает, что «под базовым активом следует понимать совершенно любой объект материального мира – картину, билет в кино, недвижимость и т.п., – информация о котором переведена в цифровую запись» (Valdez-Martinez, 2023:78). В таком случае в отношении вещей NFT как записи в распределенном реестре могут выполнять роль регистрации права собственности или иных вещных прав, а в отношении иных объектов – фиксации определенных абсолютных и относительных прав, характеризующих принадлежность этих объектов определенным субъектам. В частности, токенами могут закрепляться абсолютные (и относительные) права на имущественные права. При этом отчуждению должны подлежать именно базовые активы, то есть объекты, в отношении которых установлены абсолютные права, а не сами NFT, которые являются лишь цифровым обозначением абсолютных прав как формы принадлежности этих объектов определенным субъектам.

Таким образом, посредством токенов, в том числе NFT, могут обозначаться абсолютные и относительные права субъектов в отношении объектов. В этом смысле токены будут являться цифровой формой прав, аналогичных праву собственности, исключительному праву, которые характеризуют принадлежность вещей и РИД, СИ определенным субъектам. Учитывая изложенное, токены не должны относиться к имущественным правам и не должны включаться в систему объектов гражданских прав.

Заключение

Двухуровневый подход к исследованию имущественных прав предполагает рассмотрение на первом уровне содержание самого имущественного права в контексте относительного правоотношения, а также рассмотрение на втором уровне определенного абсолютного права на такое имущественное право. При этом имущественные права должны относиться к объектам гражданских прав только в том случае, если в отношении них рассматривать определенное абсолютное право, характеризующее принадлежность такого объекта тому или иному субъекту. Абсолютное право на имущественные права можно назвать «уникальное право». При этом, учитывая построение общей модели зависимости абсолютного права от характера самого объекта, содержание абсолютного («уникального») права будет предопределяться свойствами конкретного имущественного права.

Учитывая представленный подход, было обосновано, что под влиянием цифровизации появляются имущественные права в цифровой форме. В этом смысле цифровые права не являются самостоятельными объектами гражданских прав, но являются лишь цифровой формой традиционных имущественных прав. Несмотря на достаточно большое количество возможных вариантов имущественных прав, которые теоретически могут существовать в форме цифровых прав, к числу легальных разновидностей цифровых прав отнесены утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Специфика данных цифровых прав заключается в том, что они учитываются и обращаются именно в рамках цифровых платформ. В ходе исследования также сделан вывод, что, если данные цифровые права по своим признакам

становятся похожими на ценные бумаги, то к ним стоит применять ценно-бумажное правовое регулирование, в то время как специальное законодательство о цифровых правах должно применять субсидиарно.

Кроме того, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что безналичные денежные средства и цифровая валюта не относятся к имущественным правам, поскольку при их исследовании на первом уровне не обнаруживается относительное правоотношение. Поэтому деньги и цифровая валюта являются самостоятельными объектами гражданских прав, наряду с вещами, РИД, СИ.

Поскольку токены могут характеризовать принадлежность субъектам различных объектов, их использование позволит записывать в цифровых платформах абсолютные и относительные права субъектов как на объекты реального мира, так и на объекты идеального (воображаемого) мира. Таким образом обозначение абсолютных («уникальных») и относительных прав в отношении имущественных прав и цифровой валюты возможно посредством токенов. Если речь идет о принадлежности субъекту индивидуально-определенного объекта, то для этих целей могут быть использованы NFT.

References / Список литературы

Arkhipov, I.V. (2014) Objects in binding legal relations. In: Aksenchuk, L.A. (ed.). *Modernization of civil law regulation of contractual relations: a collection of scientific articles*. Moscow, RAP Publ., pp. 55–61. (in Russian).

Архипов И.В. Объекты в обязательственных правоотношениях // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сборник научных статей / отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014. С. 55–61.

Bevzenko, R.S. (2010) *Objects of civil law relations: A textbook for law students*. Moscow, Higher School of Economics. (in Russian).

Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: учебное пособие для студентов юридических специальностей. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 72 с.

Belov, V.A. (2016) *Civil law*. In 4 vols. vol. II. The general part. In 2 books. Books 1. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).

Белов В.А. Гражданское право: в 4 томах. Т. II. Общая часть: в 2 книгах. Кн. 1. М.: Юрайт, 2016. 453 с.

Belykh, V.S. & Egorova, M.A. (2020) The concept and significance of digital law in the modern legal system. In: Blazheev, V.V. & Egorova, M.A. (eds.). *Digital law: textbook*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).

Белых В.С., Егорова М.А. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

Budylin, S.L. (2023) Money: economic function and legal nature. *Herald of economic justice of the Russian Federation*. (7), 121–164. https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164 (in Russian).

Будылин С.Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 121–164. https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164

Efimova, L.G. (2021) An alternative view on the legal regulation of civil law relations in the digital economy. *Current problems of Russian law*. (8), 52–62. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062 (in Russian).

Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062

Efimova, L.G. (2022) On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. *Civilist*. (4), 6–15. (in Russian).
Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

Fedorov, D.V. (2018) Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience. *Herald of Civil Law*. (2), 30–74. (in Russian).
Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

Girasa, R. & Scalabrini, G.J. (2022) *Regulation of Innovative Technologies: Blockchain, Artificial Intelligence and Quantum Computing*. Springer Nature Switzerland AG.

Henderson, M.T. & Raskin, M.A. (2019) Regulatory Classification of Digital Assets: Toward an Operational Howey Test for Cryptocurrencies, ICOs, and Other Digital Assets. *Columbia Business Law Review*. (2), 443–493. https://doi.org/10.7916/cblr.v2019i2.3423

Kharitonova, Yu.S. (2023) Utilitarian non-fungible tokens in the Russian legal order: problems of legalization. Law. (9), 58–67. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-58-67 (in Russian).
Харитонова Ю.С. Утилитарные невзаимозаменяемые токены в российском правопорядке: проблемы легализации // Закон. 2023. № 9. С. 58–67. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-58-67

Lektorsky, V.A. (2010) An object. In: Stepin, V.S., Guseinov, A.A. Semigin, G.Yu. & Ogurtsov A.P. (eds.). *New philosophical encyclopedia: in 4 vols. 3.* Moscow, Mysl Publ. (in Russian).
Лекторский В.А. Объект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М.: Мысль, 2010. 692 с.

Novoselova, L.A. (2017) Tokenization of objects of civil rights. *Economics and law*. (12), 29–44. (in Russian).
Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

Petkilev, P.I. (2022) Non-fungible token (NFT) as an object of civil right. *Legislation*. (7), 15–21. (in Russian).
Петкилёв П.И. Невзаимозаменяемый токен (NFT) как объект гражданского права // Законодательство. 2022. № 7. С. 15–21.

Polezhaev, O.A. (2023) NFT-assets in the system of objects of civil rights: problems of legal qualification of relations. *Law*. (9), 68–75. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-68-75 (in Russian).
Полежаев О.А. NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений // Закон. 2023. № 9. С. 68–75. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-68-75

Rasskazova, N.Yu. (2023) The digital ruble: an understandable law and vague goals. *Law*. (9), 132–147. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-132-147 (in Russian).
Рассказова Н.Ю. Цифровой рубль: понятный закон и туманные цели // Закон. 2023. № 9. С. 132–147. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-132-147

Rozhkova, M.A. (2020) Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights. *Law of the digital economy – 2020 (16). Yearbook-anthology. Ser. Analysis of state law*. Moscow, Statut Publ, pp. 5–78. (in Russian).
Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология. М.: СТАТУТ, 2020. С. 5–78.

Saveliev, A.I. (2017) Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. *Law*. (8), 136–153. (in Russian).
Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

Saveliev, A.I. (2018) Some risks of tokenization and blockchainization of civil law relations. *Law*. (2), 36–51. (in Russian).

Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36–51.

Sazhenov, A.V. (2018) Cryptocurrencies: dematerialization of the category of things in civil law. *Law*. (9), 106–121. (in Russian).

Саженов А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121.

Sitnik, A.A. (2020) Digital currencies: problems of legal regulation. *Current problems of Russian law*. (11), 103–113. (in Russian).

Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.

Sukhanov, E.A. (2021) On the civil nature of "digital property". *Civil Law Review*. (6), 7–29. https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29 (in Russian).

Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29. https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29

Schwarcz, S.L. (2024) De-Mystifying Digital Currencies. *Law and Contemporary Problems, Forthcoming, Duke Law School Public Law & Legal Theory Series № 2024-14*. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4707764 (дата обращения: 15.04.2024).

Valdez-Martinez, V.R. (2023) Digital objects of Fine Art and NFT: myths and reality. *Law*. (9), 76–86. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-76-86 (in Russian).

Вальдес-Мартинес Э.Р. Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность // Закон. 2023. №. 9. С. 76–86. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-76-86

Vasilevskaya, L.V. (2023) The digital ruble: a civilist's view of the problem // *Lex Russica*. (1), 9–19. https://doi.org/ 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019 (in Russian).

Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1(194). С. 9–19. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019

Yankovsky, R.M. (2020) Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, "other property" and digital money. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (4), 43–77. (in Russian).

Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.

Yemelyanov, D.S. & Yemelyanov, I.S. (2021) Non-fungible tokens (NFT) as a separate object of legal regulation. *Property Relations in the Russian Federation*. (10), 71–76. (in Russian).

Емельянов Д.С., Емельянов И.С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71–76.

Сведения об авторе:

Ефимов Анатолий Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, Российский государственный университет правосудия; 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

ORCID: 0000-0002-8222-4432; SPIN-код: 5100-8924

e-mail: av_efimov@inbox.ru

About the author:

Anatoly V. Efimov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8222-4432; SPIN-code: 5100-8924

e-mail: av_efimov@inbox.ru